

УДК 130.2.73

ОБЩЕСТВЕННЫЙ ПОРЯДОК И ВОЗНИКНОВЕНИЕ ПОЛИЦИИ

Э.Н. Лыков

ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный
исследовательский университет», г. Белгород

DOI: 10.26456/vtphilos/2021.2.154

Реконструируется генеалогия полиции в истории европейской мысли. Отмечается, что своим появлением полиция обязана существенным сдвигам, как институциональным, так и иным, произошедшим в Европе периода Нового времени. Полиция возникает как институт национального государства, в противовес институтам и практикам обеспечения безопасности феодального общества. Национальное государство и присущие ему практики управления и контроля насилия нуждались в инструменте для обеспечения порядка, репрезентирующем всех граждан. В логике отношений с Другим это проявляется в у-порядочивании, которое возможно только в отношении такого Другого, который предстает и понимается как универсальный Субъект, субъект права, а также жертва.

Ключевые слова: *насилие, власть, государство, полиция, суверен, жертва, Другой.*

27 мая 1718 г. указом Петра I, который звучит как обращение к Сенату, была учреждена должность генерал-полицмейстера, с чего начался отсчет истории российской полиции. Вот его текст: «Опредѣлили мы для лутчихъ порятковъ въ семь городѣ дѣло генерала-полицмейстера нашему генералу адъютанту Дивіеру и дали пункты, как ему врученное дѣло управлять. И ежели против оныхъ пунктовъ чего отъ васъ требовать будетъ, то чините. Также всѣмъ жителямъ здешнимъ велите бубликовать, дабы невѣдѣніемъ никто не отговаривался» [5, с. 372]. Этот нормативный акт учреждения должности руководителя полицейского ведомства, которое уже существовало (полицейстерская канцелярия действовала с 1715 г.), некоторым образом завершает становление этой структуры. Из первых слов понятно, что структуры городской («Опредѣлили мы для лутчихъ порятковъ въ семь городѣ»), призванной обеспечивать «лучшие порядки», создавать порядок.

Само слово «порядок» в русском языке связано со значениями правильного расположения чего-либо, последовательности, правила, организованности, состояния благоустроенности, а также управления и оценки (как соотносящихся смыслов с математикой особенно, но также сферой управления) [7]. И эти значения напрямую соотносятся с теми функциями, которые полиция реализовывала в то время. Так, Указ от 20 мая 1715 г. «О каменных и деревянных строениях», предписывает: «...чтоб никто противу указу и без чертежа Архитекторскаго нигде не строился» [5, с. 135]. То есть полиция

следила за порядком строительства в Санкт-Петербурге, и порядок в этом случае можно понимать практически буквально, как порядок, выстраивание зданий в ряд, их нормирование. Более близкие к сегодняшним функции полиции состояли в поддержании порядка на улицах, контроле за соблюдением чистоты, за прибытием и убытием граждан (контроль за миграцией), пожарной безопасности и даже за порядком в продовольственной сфере (Указ Петра I от 8 июня 1718 г.: «О наблюдении порядка и чистоты по городу Санктпетербургу и о взимании штрафа за нечищение домовых труб и за продажу в рядах и в других местах порченных съестных припасов» [5, с. 575–576]). Иными словами, под у-порядочивание силами полиции попадали в то время как ряды домов (улицы), так и торговые ряды, ряды людей, населявшие город. Полиция времен Петра достаточно целостно обеспечивала порядок жизнедеятельности граждан.

В отношении других стран ситуация была аналогичной, полиция занималась не только поддержанием порядка на улицах, обеспечивая безопасность граждан города. Мартин фон Кревельд также делает акцент на том, что полиция возникает вместе с городами при переходе от Средневековья к Новому времени и национальному государству: «Организация полиции отражала рост городов. Со времен Средневековья в городах трудилось много мелких служащих, таких как фонарщики, ночные сторожа, смотрители рынков и скотобоев, стражники и тюремщики... большинство из них не были муниципальными служащими и не получали заработную плату, поскольку, как и везде, эти должности покупались ради будущих доходов» [4, с. 206]. Точно так же «ловцы воров» в Англии, которых упоминает Кревельд, жили за счет вознаграждения за возврат украденного имущества, которое нередко сами и крали. Только к 60-м годам XVIII в. такие частно-государственные или полумуниципальные образования заменяются национальной полицией, которая имела обширные функции, включавшие не только поддержание общественного порядка, но также вопросы миграции, «общественной санитарии и поддержания порядка на рыночных площадях» [4, с. 208].

С реформами Наполеона Кревельд связывает создание полноценной общенациональной полиции, отвечающей за все сферы общественной безопасности. Была увеличена не только численность полиции и проведена административная реформа, объединившая различные полицейские структуры в единую структуру, французская полиция вобрала в себя также службу безопасности и осведомителей: «Скрытой от общественного взгляда была служба безопасности *Sûreté*... первоначально возглавлявшаяся беглым головорезом и раскаявшимся преступником Франсуа Видоком, не говоря об уже имевшихся там в большом количестве *mouchards* – профессионалах, полупрофессионалах и любителях. Набираемые из числа представителей низших слоев общества – консьержей, лакеев, парикмахеров, проституток и т. п. – они заполнили все уличные перекрестки, кофейни и приемные» [4, с. 208–209]. Акцент Кревельда на тотальность слежки и проникновение полиции в ранее закрытые для государства пространства отражают суще-

ственные изменения, произошедшие в Европе при переходе к Новому времени. Прежде всего полиция возникает как (1) *государственный институт*, что следует жестко отличать от институтов и практик обеспечения безопасности, существовавших ранее. Можно упомянуть царскую или городскую стражу, частные вооруженные формирования феодалов и прочие фигуры насилия и безопасности, которые можно отнести к одной группе тех, кто не преследовал интересов государства и не обеспечивал порядок и безопасность всех граждан. Отсюда социальные основания полиции, которые представлены низким сословием или даже люмпенизированными представителями, представляющими всех, а значит, нацию в целом.

И это определяющий момент для антропологии и генеалогии полиции, которая может осуществлять свою функцию, устанавливать порядок и поддерживать его, только оставаясь в качестве такого элемента государства, равно представляющего всех граждан. Отчасти этот смысл находит отражение в известном выражении о полиции как зеркале общества, которое можно еще более заострить, сказав, что полиция это и есть общество. Описание подобной представленности мы находим у А. Бадью, который в своей «Этике» пишет о признании Другого как фундаментальной философской проблеме. В контексте нашего исследования эта проблема звучит как дилемма отношения к Другому, который не такой же как я, не близкий и одинаковый, не находящийся в этом смысле рядом и выпадающий из порядка (ряда). Такой феноменологический уровень, видимо, можно назвать предшествующим порядку – норме, этика, возникающая на основе чувства и отношения к Другому питает норму или кристаллизуется в нее. Эта этика опирается на идею универсального «человеческого Субъекта», который как раз и может стать субъектом права.

Этическая оптика Бадью выявляет этого универсального Субъекта (универсализм этого субъекта для нас важен не только в соотношении этого условного субъекта с фигурой полицейского, но также с фигурой гражданина, и такое рассмотрение раскрывает гораздо больше, поскольку полицейский существует только в соотношении, общении, взаимодействии с преступником, потерпевшим, гражданином) в трех аспектах, также легко соотносимых с темой осуществления порядка. Бадью пишет об универсальном Субъекте: «...этика подчиняет идентификацию этого субъекта универсальному признанию причиняемого ему зла. Таким образом, этика определяет человека как жертву...» [1, с. 25]. Очевидно, что полиция имеет дело с жертвами, с потерпевшими в профессиональной терминологии. Однако в контексте антропологической расстановки, рисуемой Бадью, упорядочивание (наведение порядка) возможно только в отношении такого Другого, который предстает и понимается как такой универсальный Субъект. Далее Бадью утверждает, что такое отношение к Субъекту, этическое отношение, основано на признании его как жертвы (возможной жертвы, предполагаемой жертвы). Универсальный Субъект как Другой, находящийся в поле видимости (видимость важна для полицейских практик) и достига-

емости, открыт для зла и причинения ущерба. Но также такое допущение, по Бадью, следует отбросить по той причине, что понимание человека как жертвы упускает принципиальное, самое важное в субъекте – превосходство человека над жертвенным как животным, человек не совпадает с «сущностью жертвы» и отсюда вырастает право как таковое: «Так что если существуют “права человека”, то это уж конечно не право на жизнь наперекор смерти, не право на выживание наперекор нищете. Это права Бессмертного, утверждающиеся сами по себе, или права Бесконечного, вершащего свое верховенство над возможностью страдания и смерти» [1, с. 27].

Этика Бадью раскрывает, таким образом, не только универсализм Субъекта, но также его открытость ущербу, равенство для претерпевания зла, но также равенства перед законом и защитой. Так, понимаемый Другой претендует также и на уникальность, универсализм не равен обезличиванию. В отношении полиции это можно соотнести с признанием важности каждого конкретного человека и его жизни, что Бадью отражает фразой: «Всякая человечность коренится в мыслительном определении единичных ситуаций» [1, с. 34]. Отметим, что важность в этом моменте основана не на влеченности жизни «этого» субъекта в ткань родственных отношений (клиент-патронных, лично-дружественных), а именно – этическом отношении – важности и ценности человека как такового, как гражданина национальной общности (хотя Бадью пишет о человеке вообще). Рискуя излишне возвысить идею Бадью о верности событию (к которым среди прочих он относит и Французскую революцию), можно говорить о верности субъекта (полицейского, гражданина) и таком отношении к Другому, и верности государству и обществу.

Сказанное Кревельдом о социальной природе французской полиции выглядит вполне обоснованно. Революцию (империю) можно рассматривать как события, сила которых достаточна для «индуцирования» субъектов, отторжения их личных, родственных и иных мотивов ради служения событию. В этом скрывается несколько важных противоречий, среди которых первое состоит в отношении полиции и политики – родственных слов, восходящих к полису, древнегреческому городу-государству. И второе, поднимающее проблему понимания Другого, внутренне двойственного, и животного, и превосходящего животное. Все эти аспекты обусловлены природой полиции как государственного института, как институции, имеющей дело с гражданами, институции, осуществляющей редукцию всех иных качеств субъекта до качеств универсальных.

В отношении первого, соотношения полиции и политики, родственность и близость их начинается с самой этимологии. Полис является общим местом, которое нуждается в управлении (для чего и необходимо искусство политики), а также нуждается в порядке (что и есть полиция). Тем не менее противоречие заключается в том, что полиция позиционируется как внеполитическая инстанция, осуществляющая у-порядочивание на до-политическом уровне. В публицистическом режиме можно встре-

тить высказывания о том, что поддержание порядка должно осуществляться вне связи с политикой. Это продолжение ранее высказанных нами идей о служении государству в целом и оперирование универсальными категориями. Но и само национальное государство оперирует такими категориями. Народ – одна из них. Жак Рансьер указывает на отсутствующий центр политического, который подобно понимаемой психоаналитиками самости никогда не находится в центре и никогда не совпадает сам с собой. Народ не сводим к реальным сообществам людей или тем, кто трудится или управляет: «Народ (демос) существует только как разрыв в логике начала/властвования. Он не может отождествляться ни с расой тех, кто признает друг друга по тому факту, что они имеют один и тот же генезис, одно и то же рождение – ни с какой-либо частью или суммой частей населения. Народ – это дополнение, отделяющее население от самого себя, приостанавливая действие логик легитимного господства» [6, с. 204]. И поскольку народ возникает как следствие такого изъятия из уже существующих общностей и идентичностей, его существование нуждается именно в таком носителе, который, подобно пролетариату, чиновнику, люмпену, в том или ином смысле будет вне уже существующих идентичностей. Фигура полицейского (а тем более соглядатая, осведомителя) очень близка этому, будучи связана с государством, служа народу. Логика изъятия здесь также является логикой унификации, которую мы описали выше у Бадью.

Еще один момент, который необходимо зафиксировать относительно идентичности и поименования (чтобы у-порядочить кого-либо, необходимо его точно определить) у Рансьера, заключается в том, что связь полиции и политики, сложная и противоречивая, основанная на скрытом включении и дистанцировании, проявляется в идентичности (идентификации), фиксации Другого в имени, что, как мы описали выше, по сути, невозможно в категориях «политической субъективации», но требуется в субъективации полицейской: «Полиция фактически желает “точных” имен, отмечающих прикомандированность людей к их месту и работе. А вот политика представляет собой дело имен “несобственных”, *misnomers*, обозначающих пробел и свидетельствующих о несправедливости» [1, с. 106]. Это противоречие обостряется и становится более наглядным в условиях революционных событий, когда порядок находится под угрозой или достаточно непрочна политическая система, поколеблена ее легитимность, что сталкивает полицейскую логику четкой идентичности с политической логикой идентичности, ускользающей и размытой. Достаточно показательным примером (или примерами) могут служить задержания революционеров царской полицией, выясняющей их настоящие имена, перебирающей многие псевдонимы, часть из которых в итоге заменили настоящие (например, Ленин или Сталин), фиктивные места работы, жительства, поддельные документы и биографии. Порядок в пространстве политического основывается на беспорядке или отрицании порядка как такового. Это скрытое основание порядка скрепляет политическое и полицию в их противоречивых отношениях, когда полиция по-

зиционируется вне политики, но так же неразрывно связана с ней, поддерживая и защищая определенный порядок.

С большей определенностью это противоречие отразил Славой Жижек, говоря о политике в категориях «короткого замыкания» между Всеобщим (универсальным) и Частным: «...политика в собственном смысле всегда предполагает что-то вроде короткого замыкания между Всеобщим и Частным: парадокс “универсального сингулярного”, сингулярного, которое выступает в качестве заместителя всеобщего, дестабилизируя “естественный” функциональный порядок отношений в социальном теле. Такая идентификация не-части с Целым, части общества без определенного места внутри этого общества (или противящегося предписанному ей подчиненному месту) с всеобщим – это начальный жест политизации...» [3, с. 114]. И если смотреть с такой точки зрения, то «верность» Событию, чем бы оно ни было, понимаемая как верность полиции (условной, универсальной фигуры полицейского) государству и народу, равно как и служение порядку (возвышенной идее порядка как высшей цели), может пониматься не только в охранительной модальности, но также и революционной. Если довериться Жижеку, то часть общества без определенного места внутри него несет заряд «начальной политизации», эта часть не только представляет всех, но и заменяет всех в том смысле, что претендует на то, чтобы эта часть, их часть, стала целым (можно вспомнить всем известное «кто был никем, тот станет всем»). И полиция является идеальным и симметричным двойником такой революционной части, но также, если пойти дальше, она содержит в себе и революционный потенциал. В отечественной истории мы можем найти подобный пример (и, наверное, не один), связанный с деятельностью организации «Собрание русских фабрично-заводских рабочих г. Санкт-Петербурга» и священника Г.А. Гапона. Гапон вошел в историю как лидер революционного движения и инициатор печально известного массового шествия рабочих, послужившего толчком к первой русской революции 1905 г. Его связь с полицией, с начальником Особого отдела Департамента полиции Сергеем Зубатовым, который создавал легальные рабочие организации в противовес революционным организациям, трактовалась различно, однако в нашем контексте она может служить примером связи полиции и революции, а также примером того, что революция (особенно та ее часть, одно из названий которой «тайная полиция») может инициироваться полицией, формально стоящей вне политического.

Возвращаясь к началу нашего исследования полиции, к указам Петра I, мы видим, что полиция с момента своего основания занималась гораздо более широким кругом вопросов, чем сейчас. Обеспечение безопасности силами полиции времен Петра включало не только поддержание общественного порядка на улицах города, борьбу с преступностью, но также, говоря современным языком, миграционный контроль, контроль качества продуктов питания, противопожарную безопасность, согласование и контроль строительства в городе. Иными словами, за исключением

медицины и религиозных вопросов, полиция занималась всем, что касалось жизнеобеспечения горожан. Весь перечисленный спектр можно соотнести также с биополитикой. Несмотря на то что в своей «Этике» Бадью отвергает такой взгляд на субъекта, он подразумевается, присутствует, и полиция имеет к нему непосредственное отношение.

Список литературы

1. Бадью А. Этика: Machina. СПб., 2006. 126 с.
2. Гурлев И.В. Создание и развитие полиции при Петре I // Власть. 2018. № 3. С. 134–140.
3. Жижек С. Кукла и карлик: христианство между ересью и бунтом. М.: Издательство «Европа», 2009. 336 с.
4. Кревельд фон М. Расцвет и упадок государства. М.: ИРИСЭН, 2006. 544 с.
5. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Т. V. 1713–1719. СПб.: В типографии Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830.
6. Рансьер Ж. На краю политического. М.: Праксис, 2006. 240 с.
7. Значение слова «Порядок» в толковом словаре Ожегова [Электронный ресурс]. URL: <https://glosum.ru/значение слова Порядок> (дата обращения: 10.04.2021).

PUBLIC ORDER AND THE EMERGENCE OF THE POLICE

E.N. Lykov

Belgorod State National Research University, Belgorod

The article reconstructs the genealogy of the police in the history of European thought. It is noted that the police owe their appearance to significant changes, both institutional and otherwise, that occurred in Europe during the modern period. The police emerge as an institution of the nation state, as opposed to the institutions and practices of ensuring the security of a feudal society. The nation-state and its inherent practices of managing and controlling violence needed an instrument to enforce order that would represent all citizens. In the logic of relations with the Other, this manifests itself in y-orderliness, which is possible only in relation to such an Other, who appears and is understood as a universal Subject, a subject of law, and also a victim.

Keywords: *violence, power, state, police, sovereign, victim, Other.*

Об авторе:

ЛЫКОВ Эдуард Николаевич – аспирант кафедры философии и теологии, ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет», г. Белгород. E-mail: lykov@bk.ru

Author information:

LYKOV Eduard Nikolaevich – PhD student of the Department of Philosophy and Theology, Belgorod State National Research University, Belgorod, E-mail: lykov@bk.ru